
Мария Высоцкая
Семья. Измена.
Развод

Предатели

Мария Высоцкая

Семья. Измена. Развод

«Автор»
2023

Высоцкая М.

Семья. Измена. Развод / М. Высоцкая — «Автор», 2023 — (Предатели)

Даша ловит своего мужа на измене. Для нее это отличный повод наконец-то подать на развод, ведь за плечами семь лет вынужденного брака, любви в котором так и не случилось.Когда-то ее выдали замуж без согласия в угоду семейному бизнесу, но, чтобы аннулировать этот брак, ей придется бороться не только за себя, но и за сына, которого муж может отобрать в любой момент...

© Высоцкая М., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 29
Глава 9 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Мария Высоцкая
Семья. Измена. Развод

Глава 1

– Разведись с ней, Миш.

– Чушь не неси, – муж хмурится. – Лучше делом займись.

– Ладно-ладно. Расслабься, милый, – Ирина кладет ладони на плечи моего мужа. Массирует, пока Миша прикрывает глаза, откидываясь затылком на подголовник кресла.

Они в кабинете вдвоем. А я дура, которая спонтанно забежала к нему на работу обсудить подарок ко дню рождения сына и наткнулась на вот такую картинку. Теперь стою и подглядываю в щелку приоткрытой двери.

Муж и его верная помощница. Судя по всему, работой их отношения не ограничиваются.

– Поехали ко мне.

– Не сегодня, – Миша открывает глаза.

– А если так? – Ирина опускается перед ним на колени, параллельно закручивая свои волосы в пучок.

Князев ухмыляется. Смотрит на нее плотоядно, а меня трясти начинает. Я не хочу становиться свидетельницей всей этой грязи. Никогда в жизни.

Толкаю дверь и захожу внутрь. Чувствую две пары прикованных ко мне глаз.

Миша упирается кулаком в стол и так на меня смотрит, будто на месте убить готов за то, что я им помешала. За то, что вообще посмела прийти без предупреждения.

– Я зашла обсудить день рождения Марка. Если ты помнишь, это твой сын, – сажусь в кресло напротив мужа.

Его помощница все еще стоит перед ним на коленях. Внимания на нее не обращаю. Делаю вид, что мне все равно, но, если честно, просто боюсь столкнуться с ней глазами. Не вынесу этого. Просто не вынесу.

– Могла позвонить, – Миша застегивает ремень на брюках и отталкивает Ирину.

Та мгновенно вскакивает на ноги. Поправляет рубашку, пуговицы на которой расстегнуты почти до талии, и, схватив со стола какие-то папки, убегает прочь.

Оборачиваюсь лишь тогда, когда хлопает дверь.

– Была тут неподалеку. Не думала, что ты… Так занят.

– В следующий раз лучше звони.

– Непременно.

– Чай, кофе? – Князев ведет себя так, словно ничего не произошло.

Так, будто не он только что был не против развлечься с этой девкой, длина юбки которой едва прикрывает пятую точку.

– Не утруждайся. Ты знаешь, – поднимаюсь на ноги, – я передумала с тобой разговаривать. Мне противно. Поеду лучше. Прости, что помешала.

Из кабинета выхожу на подкашивающихся ногах. Мишка, конечно, за мной не следует. Его мои душевные переживания не волнуют. Никогда не волновали.

Я знаю, что наш брак никогда не был настоящим. Он иллюзия. Красивая жизнь, картинки в соцсетях, пышная свадьба, большая любовь – все это фикция.

Между нами нет чувств, но я рассчитывала хотя бы на минимальное уважение. К сожалению, этот человек не способен даже на это.

В машину сажусь, а у самой слезы на глазах. Мне что, больно? Меня трогает увиденное?

Это был брак по расчету. Мне было двадцать три, отец настоял, а я не могла ему перечить. До сих пор не могу. Сразу оторопь берет, а мне ведь недавно стукнуло тридцать.

Кошмар какой.

Они со всех сторон на меня давили, и я сдалась. Не выдержала напора и просто подчинилась.

Ехать сейчас домой – это точно попасть в аварию. Нужно успокоиться. Прийти в себя.

Вытираю слезы, а они все катятся и катятся. Сердце почему-то сдавливает, и кричать хочется. Неужели у меня все-таки есть к нему чувства? К этому чудовищу? Неужели я стала его частью за эти годы? Мы же никогда не любили друг друга. Никогда.

Я в свадебном платье, с кольцом на пальце, стояла и ненавидела человека рядом с собой. Меня тошнило от первого поцелуя. Я прорыдала всю брачную ночь, лежа на кровати в номере отеля совершенно одна. Проклинала его. Отца своего. Всех гостей, которые нам счастья желали. Я вообще любила другого…

Любила человека, который пострадал из-за моих чувств. Отец его просто уничтожил, не физически – морально. Просто выжил из города, в труху перетер все, что у него было. Бизнес, связи, имущество, нашу с ним любовь. Все.

Мы не смогли это пережить, я вышла замуж, только чтобы папа оставил Влада в покое, чтобы больше не трогал.

Так в моей жизни появился Миша.

Холодный. Циничный. Расчетливый. Хваткий. Бесчувственный.

Михаил Князев – мой муж. Партнер моего отца по бизнесу. Человек, занимающий не последнее место в сельскохозяйственном секторе.

Мы были с ним близки одну-единственную ночь, именно после нее появился Марк. Хватило одного раза. Мистика. Но я была благодарна кому-то там сверху, что он сжалился надо мной и подарил ребенка, не обрекая меня на множественные попытки. Я бы умерла тогда, если бы мне пришлось спать с мужем снова и снова. Точно бы умерла.

Выезжаю с парковки минут через пятнадцать, когда могу нормально соображать, а слезы больше не смазывают картинку. До дома добираюсь дольше обычного. Ползу, как черепаха, в правом ряду.

У меня ужасное состояние, а дома ждет ребенок. Я не могу рисковать своей жизнью. Больше не могу.

Марк – это единственный человек, который любит меня просто так. Маленький человечек, который дарит улыбку. Мой сынок.

Бросаю машину у ворот особняка и сразу иду в детскую.

Как только вижу сына, успокаиваюсь. Внутри кошки скребут, конечно, но это все такая мелочь сейчас. Подхватываю сына на руки и крепко прижимаю к себе. Вдыхаю его сладкий запах, зацеловываю пухлые щечки.

Марк сопротивляется, тянется к своим игрушкам, а я пошевелиться не могу, чтобы его отпустить.

Наверное, сын то единственное, за что я благодарна Мише.

– Мама, пусти.

Сынок начинает вырываться активнее, и я разжимаю руки.

– Я же играю, – недовольно морщит нос, чем безумно напоминает своего отца.

– Играй-играй. Виктория, можете идти, – наконец-то вспоминаю, что за нами наблюдает няня. – Я сама дальше справлюсь.

– Хорошо.

– Мам, а папа когда придет? – Сын ставит кубик на башню, которую собрал, а потом с хохотом рушит свое творение.

– Вечером. Пойдем мыть руки и обедать.

– Не хочу.

– Пора, – поднимаюсь и жду, пока сын сделает то же самое.

Ему скоро исполнится пять. Он вовсю проявляет характер и с каждым днем все чаще начинает канючить.

– Марк.

– Не буду.

– Я папе пожалуюсь, – использую последний аргумент.

– А он тогда приедет быстрее?

Сын смотрит на меня широко распахнутыми глазами, а у меня ком в горле. Он безумно любит Мишу. Постоянно по нему скучает. Спрашивает о нем по сто раз на дню, пока его отец развлекается там с секретаршами.

Нет, Князев хороший папа. Он старается уделять Марку время, но этого, кажется, все равно недостаточно.

– Мам! – Марк уже лезет в мою сумку за телефоном. – Я сам ему позвоню и скажу, что не хочу есть.

– Марк, – вытягиваю руку, но она так и застывает в воздухе.

Нужно успокоиться, но я не могу. Не могу. Опять слезы наворачиваются. Опять трясет. Сын уже тыкает по экрану пальчиками, а у самого улыбка до ушей.

– Я занят, Даша, – слышу грубый голос мужа в динамиках по громкой связи.

– А вот и не угадал! – визжит сын, – Это я, папа, – хохочет и роняет смартфон. – Ты когда приедешь? – подхватывает телефон с пола.

– Скоро, сынок.

– Когда скоро?

– Вечером.

– А во сколько часов?

– В семь.

– Это вот сейчас?

Миша смеется.

– Ты же знаешь, что сейчас не семь.

– Приезжай сейчас. Мама плачет.

Вздрагиваю и касаюсь щеки пальцами. Мокро.

– Дай-ка ей трубку, Марк.

Сын протягивает мне телефон и так на меня смотрит, что мне дурно делается. Не могу себя контролировать. Слабачка. Всегда такой была.

– Да, – облизываю губы и подношу телефон к уху.

– Что за показательные выступления ты там устраиваешь?

– У нас все хорошо, – отвечаю, а сама улыбаюсь Марку. – Конечно, ждем тебя на ужин, – сочиняю какой-то бред, слушая тишину. – И мы тебя целуем, – улыбаюсь еще шире и сбрасываю звонок.

– Мамочка, ты почему плачешь?

– Пальчик болит, – показываю сыну мизинец, и он тут же начинает на него дуть.

Треплю темные волосики сына и прикрываю глаза.

Нужно взять себя в руки. Сын не виноват в том, что у него такие родители. Не виноват, что между нами нет любви, а только боль и ненависть.

Не виноват в слабости своей матери, которая не может разорвать этот порочный круг.

Мне страшно. Я до жути боюсь своего мужа. Отца. Они отберут у меня ребенка. Заберут Марка. Я это знаю. Вслух этого никто никогда не произносил, но отчетливые намеки я получала не раз.

– Давай пластырь приклеим?

Марк уже готов бежать за аптечкой. Киваю, и он тут же несется на кухню. Иду следом.

Заматываем симулирующий палец и все-таки садимся обедать.

Миша приезжает в семь, как и обещал. С порога морозит меня взглядом, но губы у него улыбаются сыну.

Замираю, а перед глазами сцена, что я увидела в кабинете мужа. Раствориться хочется, а лучше стереть себе память. Сердце как ненормальное стучит. Меня пропитывает ненависть и тоска.

Дикая обида за то, во что они все превратили мою жизнь. За то, что он сделал с моей жизнью.

Марк тарахтит о том, что сегодня делал, взахлеб. Хохочет, когда отец его щекочет, а сразу после ужина тащит Мишу наверх собирать железную дорогу.

Смотрю мужу в спину и впервые в жизни действительно серьезно думаю о разводе. Ведь так больше продолжаться не может. В конце концов, суд же всегда остается на стороне матери…

Глава 2

Я никогда не видела любовниц Миши в лицо. Он всегда ограждал меня от любых контактов с этими женщинами. Знала, конечно, что если он не спит со мной, то, естественно, делает это с другими, и до недавних пор меня это устраивало. Мы прекрасно жили как соседи.

У меня тоже были интрижки, но главное, мы всегда требовали друг от друга, чтобы все это не касалось сына.

Просто вчера, когда я увидела его с другой женщиной, то впервые посмотрела на нас всех со стороны. Меня наизнанку ночью вывернуло. Снилось, как муж «любил» другую женщину. В деталях, мельчайших подробностях.

Он развлекался с ней, а мы с сыном наблюдали за этим недоразумением. Так жутко было. А главное, больно, больно, что мой ребенок тоже запачкан в этой грязи.

Я проснулась посреди ночи, вся мокрая, в ужасе вскочила с постели и выбежала на балкон. Стояла там, пока пальцы на ногах чувствовать не перестала.

То, что в тот момент творилось у меня в душе, пугало. Какое-то жгучее отчаяние и боль. Потом еще час рыдала в подушку. Еле успокоилась.

То, что я приняла за проросток любви, выходя из офиса мужа, было не чем иным, как стыд. Стыд перед сыном за то, что через пару лет мы изуродуем его жизнь и психику этой псевдосемьей.

Это ведь сейчас Марк еще маленький и ничего не понимает. Но он будет расти, будет видеть нашу семью изнутри. Когда-нибудь спросит, почему мы спим в разных комнатах, почему видел папу в городе с какой-то тетей. Все поймет, разочаруется в браке, отношениях. Случайно заметит наш скандал, плачущую мать, которая ненавидит его отца только потому, что он есть. Как винит его во всем, что с ней случилось.

Наш мальчик переживет ад, а причиной этого ада буду я.

Женщина, которая струсила. Которая не смогла бороться.

За семь лет брака я свыклась с тем, что Князев – мой муж. Стерпелась. Не полюбила, но жить с ним мне стало комфортно.

Так бывает, когда страх поглощает тебя, ты начинаешь искать лазейки, чтобы его усмирить. Внушаешь себе, что все хорошо, что могло быть хуже.

Привыкаешь. Успокаиваешься. Начинаешь жить дальше, так, словно ничего плохого не происходит. Да, жизнь несправедлива, да, так вышло, что меня не спросили, хочу ли я за него замуж, да, я имею право на него злиться, только что от этого изменится?

В какой-то момент мы ведь даже начали с мужем нормально общаться, шутить. Появилась романтика, сближение, не физическое, душевное. Я оттаяла. Поверила, что вдруг и правда этот навязанный брак все таки будет счастливым. Первый год после рождения Марка мне по наивности казалось, что у нас получится семья. Настоящая. Но я ошиблась.

Увидела, как Мише пишет женщина. Так, словно он ее мужчина.

Он целовал меня, входил в доверие, говорил, что все ради нас сделает, что Марк поможет нам стать семьей, а сам был с другой.

Как только я сказал ему об этом вслух, о том, что у него есть женщина, он отдалился, и все вернулось на круги своя – холод, циничность, отрешенность.

Мы снова стали соседями, только теперь у нас еще и сын был.

Марк внес в мою жизнь невероятное количество ярких красок. Он показал, что я живая. Что до сих пор могу чувствовать. Любить. У меня появился человек, которому наконец-то были нужны *мои* любовь и забота. Который нуждался во мне, а я так же отчаянно нуждалась в нем.

Снимаю кастрюльку с кашей для Марка с плиты и достаю тарелочку. Пока организовываю завтрак, слышу, как муж говорит в гостиной по телефону. Что-то по работе.

Бужу Марка и тащу его в ванную.

Он терпеть не может утренние водные процедуры. Почистить зубы, умыться – это самая огромная проблема. Вечером все это делает на ура, но утром приходится постараться.

– Не хочу. Не буду. Ну мам! – скулит, стоя на лесенке у раковины. – Мама, – поворачивается, а у самого все щеки мокрые. Такие огромные слезы по ним катятся.

Маленький манипулятор.

– Давай. Мы же умываемся с утра. И я, и папа. Марк.

– Не-е-е-ет, – дует губы, закручивая вентиль, чтобы вода не текла из крана, и бросает тюбик зубной пасты обратно в стаканчик.

– Что за слезы с самого утра?

Голос мужа за спиной пугает. Отшатываюсь в сторону, а потом сталкиваюсь с ним взглядом в зеркале.

Миша хмурится, явно удивляясь моей реакции.

– Ты маму, что ли, не слушаешься? – смотрит на Марка.

– Слушаюсь, – сын недовольно сопит и хватает в руку щетку.

Зубы чистит быстро и кое-как. Умывается так же. А потом заявляет, что закончил.

– Ну вот видишь, какой ты молодец, – хвалю ребенка за такую обыденную, можно сказать, вещь и сжимаю его ладошку в своей. – Завтракать?

– А что?

– Каша.

– Каша? – Марк морщит нос и высовывает язык.

– Каша, – повторяю, но уже строже. Если его не накормить с утра, то он с легкостью может устроить в саду истерику и спокойно проходит голодным весь день, пока не приедет домой. Такое уже бывало. Воспитательницы в шоке, ну а я просто не могу ругать за это своего ребенка. Не могу, и все тут.

– Пап, а мы в выходные поедем на самокате кататься в парк?

– Поедем, – Миша садится за стол.

Уже по привычке ставлю и перед ним тарелку с кашей. Они с Марком переглядываются. Муж берет ложку, ест. Марк с довольной моськой повторяет за ним. Отец для него авторитет. Если он ест кашу, такой взрослый дядька, значит, Марку автоматически это тоже становится нужным.

– В пятницу у Самсоновых годовщина, – муж ловит мой взгляд, – нам нужно там быть.

Киваю. Самсонов – губернатор области, Миша уже давно поддерживает с ним дружеские отношения. Мы часто посещаем их праздники, а они с женой не пропустили ни одного нашего. Исключением был мой день рождения на теплой веранде, в этом году я хотела отметить его в тихом кругу друзей и родных без лишнего пафоса. Правда, через неделю Князев все равно закатил банкет уже в нашем доме, с самым «званными» гостями, чтобы отпраздновать мое тридцатилетие.

– Ты со мной теперь не разговариваешь, Даша?

– Нет, почему? Разговариваю. Все хорошо, – пожимаю плечами и наливаю Марку чай.

– Булочку хочу.

– С маслом и сыром?

– Ага.

Пока режу белый хлеб и сыр, чувствую Мишин прожигающий взгляд где-то между лопаток.

Отдаю сыну бутерброд и слащу чай. Пока перемешиваю в кружке с динозавриками сахар, на мужа стараюсь не смотреть.

Марк с энтузиазмом поедает бутерброд, хлюпает чаем, а как только на тарелочке остаются одни крошки, бежит в гостиную.

Тут же поднимаюсь из-за стола и начинаю собирать посуду. Нужно срочно чем-то занять руки. Нервы на пределе. Миша давит одним своим присутствием. Уехал бы уже на работу, что ли?!

– У тебя ко мне какие-то претензии? Я наш договор не нарушал, ты сама пришла. Могла бы позвонить, чтобы ситуация не была такой абсурдной.

Знаю. Все это я прекрасно знаю. Как и то, что мои реакции делает только хуже.

Но стоило один раз своими глазами увидеть, а не просто знать, что где-то там это происходит и вот результат.

Глупо. Как же это глупо.

Молчу. Складываю тарелки в посудомойку. Медленно, аккуратно.

Миша встает рядом и упирается бедром в столешницу.

– Даш, я тебя не понимаю, мы не договаривались о целибате, – Князев складывает руки на груди и ждет моего ответа.

Выдыхаю. Откладываю чашку в сторону и выпрямляюсь.

Внимательно рассматриваю лицо мужа. За семь лет оно стало привычным, можно сказать, родным. Но то, что я увидела в его кабинете, хоть и было случайностью, в любой момент может стать закономерностью. А я этого не хочу.

Не хочу видеть его с другими женщинами. Не хочу сама искать «любовь» на стороне, а потом разыгрывать идеальную семью. Не хочу, чтобы мой сын жил в такой семье. Вряд ли, когда он вырастет, то скажет нам спасибо за этот спектакль.

– Давай разведемся, Миш.

Выпаливаю и снова хватаюсь за посуду. Чувствую, как начинают дрожать колени.

– Занимательно. С чего вдруг?

– Я больше так не могу. Не могу так жить, понимаешь? – на секунды повышаю голос и тут же поворачиваю голову в сторону гостиной, где бегает Марк. – Семь лет, – продолжаю тише. – Это слишком много. Я не хочу жить так всю жизнь.

– Нет, – Князев упирается ладонью в навесной шкафчик, обшаривая меня цепким взглядом.

– Зачем тебе это? – смотрю на него. – Для чего?

Князев отворачивается, он вечно уходит от прямых ответов на эти вопросы. Хотя я ведь знаю, что дело в бизнесе. В его договорённостях с моим отцом.

А он знает, что я не посмею бежать. Не посмею перечить. Мне хватило двух прошлых раз. Первый, через месяц после свадьбы, тогда они отловили меня в Москве и притащили обратно. Я месяц сидела в доме без права выйти на улицы. Второй, уже после рождения Марка. Ему только-только два года исполнилось.

Я почти полгода выстраивала доверительные отношения с начальником СБ мужа, скопила денег и почти доехала до границы, но нас выловили.

Тогда-то в первый раз и мелькнул жирный намек, что, если я еще хоть раз устрою что-то подобное, сына не увижу.

– Развода не будет. Мы уже не раз это обсуждали.

– Я больше не хочу жить с тобой под одной крышей. У меня, может быть, тоже есть мужчина.

Князев обжигает меня взглядом, но очень быстро берет себя в руки. Его хладнокровию стоит позавидовать.

– Так вот и встречайся с ним на нейтральной территории. Так, чтобы никто не знал!

Глава 3

– Мама, можно я сегодня не пойду в садик? – Марк влетает в кухню ураганом и обнимает мои ноги.

– Нельзя, – Князев подхватывает сына на руки, – пошли собираться. Я тебя сам отвезу. Мама себя плохо чувствует.

– У нее пальчик болит?

– Пальчик, ага, – Миша подбрасывает Марка в воздух, ловит, а тот визжит, оглушая всех в радиусе пяти километров.

– Я его одену, – вытягиваю руки, чтобы забрать ребенка, но муж поворачивается ко мне спиной.

– Я сам. Не напрягайся.

Провожаю их взглядом и присаживаюсь на стул.

Я опустошена. Раздавлена свалившейся правдой. Я и раньше знала, но отгораживала нас с сыном от происходящего. Пряталась от реальности.

Искала ту самую лазейку, а когда нашла, не желала и носа из нее показывать.

Да, будет глупо прикидываться полностью несчастной. Все эти семь лет я отлично жила, если не брать в расчет наш брак.

У меня есть любимая работа, прекрасный сын, друзья, хобби. Я много путешествую, коллекционирую картины…

У многих нет даже малой части того, что есть у меня. Многие даже не поймут этих душевных терзаний, что меня сейчас посетили, просто потому, что у каждого свои проблемы. У большинства более приземлённые. Но разве мне от этого легче?

Я так сильно ненавидела этого человека, что в один прекрасный момент, начала принимать это чувство за какую-то симпатию. Мазохистскую.

Именно так моя психика защищалась все эти годы. Разыгрывала в голове спектакль, что муж-то не так плох. И живу-то я в принципе тоже нормально. Не хуже других, где-то даже лучше. Зачем нагнетать?

Выдыхаю и поднимаюсь в спальню. Принимаю душ, переодеваюсь и еду на работу.

Как только Марк пошел в садик, я сразу вернулась на канал. Наш местный, где я веду новости. Еще до свадьбы закончила журфак. Долго работала в местной редакции, а потом перешла на телик.

Пока сажусь на грим, смотрю видео, что воспитатель Марка скинула в общий чат.

Умиляюсь, как мой ребенок читает стихи, и делаю глоток кофе.

– Даш, может, волосы наверх уберем сегодня?

– Давай лучше просто хвост.

– Окей.

Как только Рита заканчивает приводить мои волосы в порядок, открываю шкаф и выбираю, в чем буду сидеть в эфире. Все эфирные вещи хранятся в рабочем гардеробе по секциям. На одной половине шкафа, в его нижней части, мои, сверху – Катины, в соседней половине – наших мужчин-ведущих.

Переодеваюсь.

До эфира чуть больше часа. Все это время читаю новости, чужие в прессе, и свои, которые сформировала и выписала на основе дневной сводки.

В студию попадаю за десять минут до выхода в эфире. Поправляю волосы, раскладываю папку с листами перед собой и делаю быстрое упражнение на дикцию.

Зажимаю ручку между зубов и читаю пару абзацев сводки с листа.

Как только начинается включение, фокусирую взгляд на телесуфлере.

Сегодня у меня обеденный эфир, поэтому за Марком заезжаю около пяти. Забираю ребенка из сада и везу на занятие по плаванию, на котором и сама присутствую. Подбадриваю его нырки под воду.

Домой приползаем около семи. Ужинаем, играем, делаем пару упражнений на дикцию. Марк просто в восторге, тараторит без умолку. Смеется. Я тоже.

Когда слышу шум подъехавшей к дому машины, переглядываюсь с сыном.

Марк вскакивает на ноги и с визгом бежит вниз, не переставая выкрикивать: «Папа приехал!»

Собираю разбросанные игрушки, раскладываю все по корзинам и, погасив в детской свет, спускаюсь на первый этаж.

Миша стягивает галстук и бросает его на диван в гостиной. Закатывает рукава рубашки и садится на пол, где Марк уже расставил машинки. Игрушки у нас валяются по всему дому, нет смысла ставить корзинки только в одной комнате, он все равно их растащит и разложит в каждой.

В половине девятого помогаю сыну надеть пижаму и укладываю его спать. Сама еще минут сорок лежу с ним рядом, прислушиваюсь к тихому сопению.

Интересно, что ему снится?

К себе иду вымотанная. Натягиваю сорочку и забираюсь под одеяло. Беру с тумбочки книгу и открываю страницы, между которых вложена закладка.

Слышу отчетливые шаги за дверью и очень удивляюсь, когда она открывается.

– Поговорим? – Миша появляется в моей спальне впервые за… Я даже не знаю, за сколько лет. Проходит вглубь комнаты.

– Давай, – перебираюсь на край кровати.

– Я все обдумал сегодня, – Миша выдергивает стул из-под моего столика для макияжа. Садится. – Если тебе нужен развод, можешь подавать заявление. Но сын останется со мной.

Тут же покрываюсь холодным потом. Начинает знобить лишь от одной мысли, что он отберет у меня ребенка.

– Ни за что. Марк будет со мной.

– Ты же прекрасно понимаешь, что суд в этом городе ни при каких обстоятельствах не оставит тебе ребенка, Дашка. Ты это знаешь и все равно просишь… Не выйдет по-хорошему, снова решишь сбежать? Через сколько тебя нашли в прошлый раз? Кажется, девять часов, – Миша пожимает плечами. – Я никогда не принуждал тебя меня любить или как-то хорошо относиться, мне хватает твоей ненависти, поверь. Но сына я не отдам. Можешь съехать, пожить одна. Подумать. Решить. Будешь приходить к Марку в гости.

– Ты меня шантажируешь? Открыто упиваешься своим превосходством в этом вопросе, да? Просто играешь чувствами нашего ребенка.

– Нет. Я просто решаю вопрос и, когда этого требуют обстоятельства, делаю это жестко.

– Ты врал мне, когда говорил, что если у нас будет ребенок, то мы сможем развестись, – резко поднимаюсь на ноги. – Врал о том, что он будет связью между семьями и бизнес не пострадает. Врал, когда делал вид, что тебе так же противна эта свадьба. Ты врал, а сам наслаждался моей болью. Упивался ею, прекрасно зная, какой человек мой отец на самом деле. Он же совсем не добрый самаритянин, каким его все вокруг считают. Если бы я тогда отказалась от свадьбы, он бы убил Влада, а меня упрятал в психушку. Ты это знал и не отказался от свадьбы. Наоборот, потакал ему, ради денег. Ради своей выгоды. Тебе было плевать, что я тоже живой человек. Тебе все эти семь лет было на это плевать. Сколько я еще буду так жить? Играть в эту дурацкую семью? Я хочу любить. Хочу, чтобы меня любили и уважали. Я не подписывалась на ваши договоры. Вы насильно вынудили меня со всем согласиться, Миша.

– Влад…

Князев закатывает глаза, чуть покачивая головой. Из всего моего монолога он услышал только имя. Имя человека, которому я испортила жизнь.

Он всегда для Миши был какой-то красной тряпкой.

– Твоя измена…

– Измена? – муж выдыхает. – По-моему, ты преувеличиваешь.

– Ты обещал, что это не будет меня касаться.

– Ты не позвонила.

– Да какая разница? Ты спишь с ней у себя в офисе, и все об этом знают. За спиной на меня пальцем показывают.

– А тебе есть до этого дело?

– Мне не нравится выглядеть дурой, – хмурюсь. – Мне не нравится, что вскоре об этом узнает и наш ребенок. Ты хотя бы задумываешь о том, что он растет, Миш? Что ты ему скажешь, когда он станет подростком и узнает о том, какая у нас семья? Что? Прости сын, я не люблю твою мать и держу ее в заложниках все эти годы? Так? —усаживаюсь обратно на кровать.

Грудь покачивается в вырезе сорочки, и я отчетливо вижу, что Миша фокусирует на этом свой взгляд. Сглатывает. Тут же прикрываюсь руками.

– Слушай, – Князев трет лицо ладонями, – когда все пошло не так, а?

– С самого начала, ты разве не заметил?!

– Мы же ведь могли по-нормальному, – продолжает философствовать.

Глава 4

Наверное, могли и по-нормальному, только не вышло. А теперь приходится со всем этим жить, еще и ребенка впутывать.

– Дай мне развод, – выпрямляюсь, и Князев в этот момент делает то же самое. Сталкиваемся. Точнее, это я влетаю ему в грудь, а Миша лишь удерживает меня за локти.

Током прошибает от его прикосновений. Делаю шаг назад, чувствуя, как его захват ослабевает.

Не хочу, чтобы он меня трогал. Видеть его уже не могу. Тошнит от всего.

Изыди, Князев. Просто изыди…

– Дай мне развод, – повторяю тише, – поговори с моим отцом. Я тебя прошу. Пожалуйста, – смотрю ему в глаза.

Боже, ну хотя бы раз в жизни сделай что-то хорошее. Умоляю.

Неужели это так сложно? Что в твоей жизни изменится? Ну ничего же! Ничего.

– Не забирай Марка. Ты же всегда занят. Миша… Ну как ты с ним будешь?

– Хватит, – Князев сует руку в карман домашних брюк, а второй взъерошивает свои волосы. – Если бы у тебя хоть раз хватило ума подумать и проанализировать, – замолкает, глядя мне в глаза. – Спи, – разворачивается и выходит за дверь.

Спи. Действительно, это так легко после всего.

Спи…

Забираюсь под одеяло, а саму трясет. Ничего он не понял. Ни на что он не согласится.

Ему удобно. Есть жена, которая воспитывает ребенка, не лезет в его жизнь, ходит с ним на мероприятия, улыбается всем заученной улыбкой. Она красивая, не тупая, за нее не стыдно. Она из хорошей семьи, у нее есть статус и нет права голоса.

Идеальная ручная кукла.

Зачем ему что-то менять? Зачем рушить?

До того, что эта самая кукла чувствует, дела ему нет.

Я не знаю, было ли у нас когда-то по-другому. Не помню. Мне кажется, он всегда не заботился о других. Бездушный, хладнокровный змей.

Удивительно только, что в Марке он все эти пять лет и правда души не чает. Его он любит, это видно. Они когда вместе, я себя лишней чувствую. Чужой теткой какой-то.

Марк обожает отца. Как он переживет развод, если он все-таки случится? Возненавидит меня за то, что я отобрала у него такого важного человека? За то, что разделила их? Вот сейчас, в моменте, не через десять лет, когда он будет понимать причины. А в свои пять. Вряд ли сын захочет жить отдельно от отца. Он его каждый вечер ждет, а потом с радостными криками бежит встречать.

Получается, я хочу лишить ребенка отца из-за своего личного несчастья?

Тру лицо, окончательно потерявшись в размышлениях. Я не знаю, как правильно, но и жить так больше у меня не выходит. Я начинаю нервничать, срываться, из меня лезет агрессия, пока еще не в присутствии сына, но что потом будет?

Накрутив себя до состояния полного отчаяния, иду к сыну. Приоткрываю дверь в комнату, где горит ночник, и замираю. Миша спит в кресле рядом с кроватью Марка. Он полностью расслаблен.

Скольжу взглядом по обнаженному мужскому торсу, цепляю глазами взъерошенную макушку сына, торчащую из-под одеяла, и тут же закрываю дверь.

Делаю два шага назад и прилипаю спиной к стене.

Растираю дрожащие плечи ладонями, и сердце сжимается. Холодно.

К себе возвращаюсь, придерживаясь за стену рукой. Ноги почему-то подкашиваются. Уснуть, конечно, не получается. Много думаю. Ворочаюсь.

Когда все-таки проваливаюсь в царство Морфея, долго бегу по лесу. Со всех сторон слышу плач сына. Он так громко рыдает, стоя на опушке, я вижу его, но чем быстрее бегу, тем сильнее он от меня отдаляется. Когда до Марка остается всего пара шагов, появляется Миша. Закрывает ребенка собой, а потом они исчезают.

Взвизгиваю и открываю глаза.

За окном начинает светать, комнату уже озарили первые лучи солнца. Все еще часто дышу после кошмара и поворачиваю голову к тумбочке. Смотрю на будильник. Шесть утра.

Еще час-полтора, и нужно идти будить сына.

Ставлю голые ступни на мягкий прикроватный коврик, тянусь к креслу за халатом, одурманенная приснившимся. Продеваю руки в рукава и закручиваю волосы в пучок на макушке.

В доме тихо. Спускаюсь на кухню и варю себе кофе в турке. Люблю эти минуты уединения с утра, когда вокруг еще витает атмосфера ночи и сна. Все кажется другим. Даже вкус кофе лучше. Всегда так было, только не сегодня.

Кофе на вкус отвратительный, тишина давит, а голова вот-вот лопнет. Пальцы дрожат, обхватываю чашку ладонями и подношу ее к губам. Второй глоток снова обжигает язык, а от запаха кофе начинает подташнивать.

Слышу шум в гостиной. Кажется, открылась входная дверь. Поворачиваю голову и вижу мужа. Он меня не замечает, идет прямо сюда, стаскивая с себя по пути спортивное худи.

Когда наконец встречаемся взглядами, Князев быстро оценивает обстановку. Смотрит на чашку в моих руках, потом на турку.

– Не знал, что ты варишь кофе в турке, – бросает кофту на спинку стула и вытаскивает из ушей эйрподсы.

Судя по всему, он бегал.

– Утренний ритуал, – пожимаю плечами и опускаю взгляд. Рассматриваю мраморную поверхность стола, а муж запускает кофемашину.

Пока Миша занят приготовлением белкового омлета и не обращает на меня внимания, отодвигаю от себя чашку и тихонечко поднимаюсь к Марку.

Сижу с ним до семи. Так жалко будить. Так сладко он сопит.

Умиляюсь, прикасаясь пальцами к тоненькой ручке, потом глажу по голове и шепчу:

– Просыпайся.

Целую ребенка в лоб и только после этого бужу более настойчиво.

Сын нехотя открывает глазки, капризничает. Как это часто бывает, отказывается идти в сад.

Умываемся вместе, можно сказать, подаю пример. Завтракаем тоже вдвоем. Миша впервые за все время не присоединяется. Марк, к счастью, слишком занят нытьем о том, что вот сегодня точно останется дома, поэтому отсутствие отца не замечает.

Отвожу его в сад и еду на йогу. На входе встречаюсь с подругой, слушаю ее рассказы о том, как хорошо она отдохнула, и стараюсь кивать в тех местах, где этого требует разговор.

После занятия забегаем в ювелирный. Анжелка покупает себе какое-то кольцо, долго любуется камнем, а потом с ухмылкой добавляет, что это плата ей за похождения ее мужа. Хотя они оба в этом плане друг от друга далеко не ушли. Свободные отношения у людей…

После эфира заезжаю в «Детский мир», покупаю конструктор, который Марк просил не так давно, а потом заглядываю в ресторан в центре.

Делаю буквально пару шагов, прежде чем вижу своего мужа, а вместе с ним женщину. Не Ирину.

Она молодая, красивая. И это не удивляет.

Извиняюсь перед администратором, которая уже предлагает мне занять столик у окна, и выхожу на улицу.

Ветер бьет по щекам отрезвляющими пощечинами.

Нет, так больше продолжаться не может. Я снова злюсь. Злюсь, потому что он просто меня не уважает. Устраивать скандалы на эту тему бесполезно, да я и не хочу. Не хочу, чтобы Марк стал случайным свидетелем или чувствовал, что его родители ходят по дому как два оголенных провода.

Перехожу дорогу, а ноги сами ведут по проспекту прямо к ЗАГСу, где проходила регистрация нашего брака.

Символично.

Долго гуляю по центру, а после того как забираю Марка из сада, уже в прихожей ищу в интернете юриста по бракоразводным процессам. Нахожу отличную кандидатуру в Москве и записываюсь к нему на консультацию в эту субботу.

Теперь главное – устроить для этой поездки правдоподобное алиби. Думаю, шопинг будет отличным…

Глава 5

– Чай, кофе или, может, есть хочешь? – спрашиваю у двоюродной сестры, доставая из шкафчика чашки.

– Я на диете, поэтому кофе. Без сахара, молока и сливок.

– Поняла, – улыбаюсь и невольно смотрю на свой живот. Он не выпирает, конечно, но до Викиного рельефа мне как до луны. Сестра просто живет в зале.

– Ну, – потирает руки, когда я ставлю перед ней чашку кофе, – рассказывай, что Мишаня подарил тебе на тридцаточку?

Вяло смотрю в окно, через которое просматривается новый, припаркованный во дворе мерс.

– Серьезно? – Вика хлопает глазами, чуть заостряя уголки губ. – Тачку на день рождения? А прошлую куда дела?

– В гараже стоит.

Делаю глоток своего совсем не черного, да еще и с большим количеством карамельного сиропа, кофе.

– Ты какая-то кислая, все нормально?

– Лучше не придумаешь, – выдавливаю улыбку.

А что я еще могу сказать? Да, я в очередной раз убедилась в том, что мой муж просто бесчувственное чудовище?

– Ох, а я трясусь вся. Сессия на носу. Вдруг провалю? А что, если они меня из-за этого отчислят?

– Меня же не отчислили.

– Так за тебя дядь Юра платил, – Вика закатывает глаза, но тут же поджимает губы. – Ну я к тому, что я-то на бюджете…

– Я поняла.

Не хочу вступать в эту вечную полемику на тему платного образования и наличия ума у того, кто его получает.

Вика – дочка маминой сестры, приехала в город год назад. Поступила на журфак, живет теперь у моих родителей. В отличие от меня, у нее просто прекрасные отношения с дядей Юрой, моим отцом то есть. Возможно, потому, что она разделяет с ним его мировоззрение о том, что все в этой жизни решают исключительно деньги и связи.

Нет, я тоже не с луны и отлично понимаю, что данные блага максимально облегчают жизнь, но не центр мира они. Не центр…

Вика вздыхает, а потом замечает лежащие на столе часы. Миша утром, видимо, оставил.

– О, это «Адемары»? Мишкины?

Снова киваю.

– Блин, где бы мне найти такого мужа?

– Лучше не стоит.

– Хорошо тебе говорить. Живешь как в шоколаде, – сестра закатывает глаза. – Квартира, машина, красавчик-мужик под боком.

– Он просто отец моего сына. Я тысячу раз говорила, что между нами ничего нет.

– Значит, ты переплюнула любую содержанку.

– В смысле?

– Он тебя обеспечивает, тачку купил, бабки дает, на курорты отправляет, а ты за это все с ним даже не спишь.

– Вика!

– Да я же смеюсь. Но ты подумай об этом на досуге, а не сиди с кислой миной. Многие о таком даже мечтать не могут.

Сестра беззаботно пожимает острыми плечиками и присасывается губами к краю чашки.

– Фу, горячий. Водичка в фильтре есть? Разбавить.

– Посмотри, – взмахиваю рукой в направлении кухонного гарнитура.

Пока сестра грохочет посудой, пытаюсь понять, что же с ней происходит.

Вике девятнадцать, и она почему-то решила, что я та, с кого ей стоит взять пример. Родить состоятельному мужику и якобы не париться. На любовь, дружбу, брак и саморазвитие ей плевать. Дурные поступки заразительны. А чужая жизнь кажется привлекательней.

Возможно, со стороны все действительно выглядит как-то глянцево. Но в реальности… В реальности я хотела совсем другого. Любящего человека рядом, чувств. Хотела, чтобы меня уважали и ценили.

Когда я познакомилась с Владом, просто с первых секунд поняла, что вот он, мой человек. Я могла часами его слушать, спорить о какой-то ерунде, смеяться с ним, гулять ночи напролет. Любить его…

Наш роман был страстным. Ярким. А потом все резко прекратилось.

Он просто закончил наши отношения. Одним днем. Рассказал все честно, что мой отец ему угрожает, что у него старенькие родители и он не хочет ими рисковать.

Моему папе никогда не нравился Влад, вначале он так и говорил: «Перебесишься, дочь, возьмешься за ум и найдешь нормального мужика». Но «нормального», по его мнению, я искать не хотела. Прошел год, потом еще один, мы с Владом по-прежнему оставались вместе.

А когда папа решил расширять бизнес, поставил мне условие – бросаю Влада и выхожу замуж за Мишу.

Мишу, которого я всего пару раз в жизни видела. По иронии судьбы нас Влад и познакомил. Они вместе учились, дружили, но я с Князевым тем не менее не пересекалась.

– Кстати, твои мама с папой мне все уши прожужжали, когда ты к ним в гости приедешь, Дашк. Говорят, что совсем забыла стариков, – Вика закатывает глаза, сопровождая это смешком.

– Заеду. А ты, – смотрю на сестру, – легче легкого справишься со своей сессией. Ты умная и…

– Ты тоже не дура, но, раз тебе так с Мишей не нравится, все равно от него не уходишь. Хотя и сама себя с мелким потянешь. С твоей-то зарплатой. На крайняк дядя Юра помог бы. Он для тебя, в отличие от моих, ничего не жалеет.

– Как это связано?

– Забей, – хохлится.

– Ты сегодня слишком колкая.

Скандалить с ней у меня нет желания. Вряд ли я все равно что-то ей докажу. А раскрывать истинные причины, почему я не могу уйти, не буду. Точно не Вике.

Пусть она и дальше думает, что я живу с мужиком по расчету, из каких-то своих соображений.

– Просто нервная, – Вика закидывает ножку на ножку. – Блин, как классно в квартире, – заглядывает в окно. – Бесит меня эта деревня. Из одной в другую переехала.

Под деревнями Вика имеет в виду наш поселок и поселок, где живут мои родители. Закрытая территория с охраной и кучей привилегированных в городе соседей. Занимательно…

– Таскаюсь на учебу черт-те сколько. Вот если бы где-то там рядом с универом студию снять…

Она уже не первый раз заводит этот разговор, совершенно не желая понимать, что снимать квартиру я ей не буду.

Родители Вики – самые обычные люди. Мама – учитель, а отец – механик. Они живут в поселке за сто двадцать километров от нашего города.

Когда Вика собралась поступать, моя мама предложила, чтобы они не тратились на общагу и Вика жила у них с отцом.

– Ты можешь начать подрабатывать и снять с подружкой напополам – как вариант…

– Не помню, чтобы таким заморачивалась, – закатывает глаза. – Тогда уж лучше я с мужиком каким познакомлюсь, – ехидно посмеивается. – Зря, что ли, задницу качаю? – приподнимается, хлопает себя по ягодице и усаживается обратно на стул. – Слушай, а одолжи то черное платье, ну, в котором на своем юбилее была.

– Бери.

Мне оно вряд ли пригодится, короткое, с какими-то нелепыми пайетками. Импульсивная покупка, одним словом.

Я совершила ее ровно за три дня до дня рождения.

Мы с Мишей поругались, ну, точнее, злобно поговорили на тему гостей, которых я не хотела приглашать, а они могли бы быть полезны. Я психанула, поехала шопиться и схватила это мини.

Князев потом весь вечер в ресторане на меня пялился, думала, прожжет своей яростью.

Свою позицию не приглашать нежеланных для себя гостей я в итоге отстояла. Просто сказала ему, что он тоже может не приходить, если ему все так не нравится.

– Спасибо, – сестра взвизгивает и целует меня в щеки. – Ну, пошли тогда скорее в гардероб.

Мы перемещаемся наверх. Вика шарится по моей гардеробной, набирая целую кучу плечиков с одеждой, будто пришла в магазин.

– И вот это можно? А это?

– Бери.

– Спасибо, ты лучшая, систер. Это откуда? – Вика пробегает ноготками по коробке мятного цвета, что стоит в отсеке для украшений. – «Тиффани»?

– Миша подарил. На Восьмое марта.

Очередной откуп в стиле – забираю твою жизнь, а тебе вот еще одно колечко с барского плеча. Носи и радуйся. Я снова покупаю тебя с потрохами.

– И вот за что ты на него так взъелась? Мужик тебе и тачки, и цацки…

– Закрыли тему.

– Само собой.

Сестра с улыбочкой засовывает шмотки в пакет, а потом снова перемещается к украшениям. Примеряет колечки, браслеты, фоткается со всем этим добром.

Иногда меня не покидает ощущение преследующей зависти с ее стороны, когда Вика рядом. Только вот завидовать чему? Моей бесхребетности? А может быть, бесправности? Какая дурь.

– Ты все? – интересуюсь уже более прохладно.

Вика, судя по всему, это чувствует и кладет на место все, что успела на себя нацепить.

– Ага. Я, наверное, поеду.

– Хорошо.

Спускаемся в гостиную и слышим, как подъехала машина.

– Блин, – Вика прижимает ладонь к животу, – урчит, слышишь? Может, поедим все-таки? А то мне еще в центр ехать, лекцию пятой парой поставили. Совсем долбанулись.

– Пошли.

Открываю холодильник. Пока достаю рагу из овощей и стейки, в дом заходит Миша.

Мельком обращаю внимание на сестру, она вытягивает шею, выпячивает грудь, третьего размера, между прочим, и облизывает губы. То, что я смотрю, естественно, не видит.

А вот это уже даже интересно. Засовываю все в духовку, чтобы разогреть.

– О, Мишаня, привет, – щебечет сестра, а все, что остается мне, это закатить глаза.

– Ага, – Князев немногословен, как всегда. – Даш, у Марка во сколько плавание?

– В шесть, а что?

– Отмени, пожалуйста, Шумаков позвал на ипподром, хочу Марка с собой взять. Лошади, ему интересно будет, к тому же у Шмакова внук нашему ровесник.

– А, хорошо. Только не давай ему снимать шапку на улице, ладно?

– Понял.

– Миш, а можно с вами? – встревает Вика. – Я просто обожаю лошадей.

– Нет.

Князев бросает взгляд в сторону Вики, буквально три секунды на нее смотрит.

– А ты только ради этого заехал? – спрашиваю, вытаскивая тарелки.

– Документы надо забрать.

Князев идет в свой кабинет, а Вика в это время злобно прищуривается.

– Нет, я все-таки понимаю, почему ты его терпеть не можешь. Он же не человек, а робот какой-то. Блин, мне подруга написала, бежать надо. Пока.

Вика чмокает меня в щеку, просит вызвать ей такси и уходит.

– Ты с нами поедешь?

От неожиданности вздрагиваю. И когда Князев успел снова вернуться на кухню?

– Ага.

– Тогда к пять подъезжай ко мне в офис.

– Хорошо, – наблюдаю через окно, как откатываются ворота и как Вика прыгает в такси.

– Это девка везде без мыла влезет, – мрачно произносит муж.

– К тебе в трусы такие же без твоего согласия пролезают?

– Смешно. Вместе тогда Марка из сада заберем и поедем на ипподром.

– С кем ты вчера обедал в центре? – смотрю на Князева в упор.

– С любовницей, естественно, с кем же еще? В пять, Даш.

Миша разворачивается и уходит, а мне так и хочется запустить в него чайником.

Глава 6

В офис к мужу приезжаю к пяти, как и договаривались. В кабинет теперь предварительно стучу, несмотря на то, что в этот раз его секретарь на месте и даже предупреждает о моем приходе по селектору.

Просто перестраховываюсь. Вдруг там эта Ирина…

Толкаю дверь, переступаю порог. Муж в этот момент как раз снимает рубашку и вытаскивает из шкафа свитер.

Сглатываю и стараюсь на него не смотреть, правда, взгляд сам прилипает к рельефной спине, перекатывающимся бицепсам и твердому прессу. В физическом плане Князев не урод. Вот совсем. Поэтому неудивительно, что у него столько баб.

А что до меня, так это просто гормоны. Последние несколько месяцев в моей интимной жизни полный штиль. Не до этого как-то было…

Миша ловит мой взгляд и задает немой вопрос, мол, что опять не так?

Мотаю головой и присаживаюсь в кресло у стола. Разглядываю фото Марка в рамочке, которое всегда тут стоит. Фотка сделана на двухлетие. Он там в черном детском смокинге, такой весь важный, а у самого ладошки уже заляпаны тортом. Он тогда первый раз в жизни его пробовал, до этого я старалась не давать ничего сладкого, кроме ягод и фруктов.

– Поехали, – Князев берет со стола свой мобильник и ключи от машины.

Спускаемся на лифте, хотя поднималась я сюда пешком, после того как насмотрелась на Викин подтянутый живот и задницу-орех.

За руль Миша садится сам.

Когда приходим за Марком, он радостно несется нам навстречу. И, конечно же, ныряет в объятия мужа.

Пока переодеваю ребенка, Князев говорит по телефону. Марк в это время без умолку рассказывает, как они на прогулке видели ежа. Этот восторг сохраняется и на пути к лошадям.

– Пап, а там пони будут?

– Наверное.

– Ты не знаешь? – Марк широко открывает рот.

Чтобы папа чего-то не знал, для нас пока нонсенс.

– Мам?

– Я тоже не знаю. Посмотрим.

– А можно будет погладить? А потрогать? А покататься? А покормить лошадку? Пап?

– Можно.

Муж сворачивает к ипподрому и паркует машину в одной из свободных секций. Пока вытаскивает Марка из детского кресла, я успеваю осмотреться.

– Миша, Даша, – Алексей Олегович Шумаков выходит встречать нас лично. На руках у него мальчик, и правда, на вид ровесник нашего Марка.

– Здравствуйте, – улыбаюсь и взмахиваю рукой.

Шумаков последние десять лет живет в нашей области. Отстроил себе целую деревню, организовал тут много рабочих мест, ипподром тоже на его деньги соорудили, естественно.

С Мишей они в приятельских отношениях последний год, и, насколько я знаю, моему отцу эта дружба очень не нравится. Но разве Князев когда-то кого-то о чем-то спрашивал?

– Алексей Олегович, – муж пожимает Шумакову руку, – привет. Марк, – подталкивает сына, и тот тоже здоровается с мужчиной за руку.

– Лёва, – Шумаков ставит внука на землю, – знакомься давай.

Мальчик боязливо смотрит на Мишу, потом на Марка.

Наш первый тянет руку, чтобы поздороваться. Лев отвечает, оба пару секунд мнутся, а потом улыбаются.

– Хорошо, что приехали. Лёвке не так скучно будет. Дочь на неделю его к нам привезла, он всех уже умотал, – поясняет Шумаков. – Пойдемте.

– Дядя, а у вас пони есть? – спрашивает Марк, следуя за нами вприпрыжку.

Он у нас совсем не стеснительный, быстро осваивается и находит с людьми общий язык.

– Есть. Пойдем смотреть?

– Да. А покормить можно? А погладить?

Переглядываемся с мужем не без улыбок.

Миша треплет Марка по голове, но тот сразу увиливает в сторону. Занят важными разговорами о лошадях, какие уж тут ласки.

Пока дети гладят пони под присмотром конюха, Шумаков с Мишей отходят немного в сторону. Я к ним не присоединяюсь, но все равно все слышу.

– Москва дала добро, – с улыбкой произносит Шумаков.

Миша кивает, а потом бросает взгляд на меня. Тут же отворачиваюсь.

– Срок? – обращается к Алексею.

– Месяца два, максимум четыре.

– Порадовали.

– Не дрейфь, нормально все будет, – Шумков хлопает Князева по плечу, и они подходят ближе. – Как у Юры дела? – спрашивает уже у меня.

– Отлично. Папа рыбалкой увлекся.

– Хорошее дело.

Дети в этот момент с визгом бегут к нам. Марк тычет в сторону лошади пальцем и на эмоциях тараторит, что трогал гриву и давал лошадке сахар.

– У нее нос мягкий, – восхищается и вытягивает ладошку, видимо, ту, которой трогал лошадиный нос. – Пап, пойдем туда, – тянет Мишу к лестнице на другой стороне песочной площадки, где тренируют лошадей.

Пока они уходят, Шумаков рассказывает мне про внука, свою дочку и младшего сына. Лев крутится рядом с конюхом и гладит пони.

Слушаю, а сама поглядываю за своими.

Ветер спутывает волосы, поэтому убираю их в хвост, а когда снова поворачиваю голову, как в замедленной съемке вижу сына. Он несется по лестнице, оступается на последних ступенях и летит вниз. Миша пытается его поймать, но не успевает.

Мозг отмеряет секунды. Я словно в раскадровке вижу, как сын приземляется набок, заваливается прямо на свою ручку и громко плачет.

Князев тянется к сыну, но тот, увидев, что я бегу, вырывается и начинает реветь еще громче.

Падаю перед ребенком на колени, чувствую, как мелкие камешки царапают кожу и разрывают капроновые колготки.

– Все хорошо, мама рядом, – целую сына в макушку. – Где болит? Ручка?

Марк плачет, а меня трясет. Такие слезы у него на щеках огромные. Лицо покраснело, на щеке выступает кровь, а пальчики на ручке поцарапаны и припухли. Зацеловываю каждый и бросаю на мужа раздраженный взгляд.

Миша сидит перед нами на корточках. Губы сжаты в тонкую полоску. На лице ни единой эмоции. Только глаза тревожно скачут, фокусируясь то на мне, то на сыне.

– Даш…

– Ничего не говори. Зачем ты его сюда потащил? – шиплю, продолжая гладить ребёнка по голове.

Марк шмыгает носом, потихоньку успокаивается.

– Как ты после этого хочешь оставить его себе? Ты десять минут не смог за ним присмотреть!

Князев бросает на меня гневный взгляд, но молчит.

– Все живы? – Алексей Олегович подбегает к нам, запыхавшись. – Врача?

– А тут есть? – поднимаю голову.

– Конечно. Пойдемте.

Поднимаю ребенка, немного покачиваясь. Марк уже довольно тяжелый. Таскать его на руках становится проблематично.

Миша пытается мне помочь, забрать его к себе, но сын вцепляется в меня мертвой хваткой и, как только между нами образуется маленькое расстояние, начинает рыдать.

– Я сама, – отталкиваю мужа и иду следом за Шумаковым.

Чувствую, что Алексей Олегович смотрит на разыгравшуюся сцену не без удивления. Ну да, мы же типа идеальная семья…

На кушетку в кабинете врача сажусь вместе с сыном. Не без уговоров прошу показать доктору ручку и позволить обработать щеку.

Миша все это время стоит у окна, наблюдает за происходящим молча.

– Ушиб. Перелома нет, но на всякий случай рентген сделайте, – заключает врач.

– Хорошо. Спасибо вам, – выдыхаю и снова целую сына в макушку.

С ипподрома сразу мчим в больницу. Делаем рентген. К счастью, перелома и правда нет. Это слегка отрезвляет, и меня начинает отпускать.

Домой еду на заднем сиденье. Сын посапывает в детском кресле, а я то и дело трогаю его пальчики на не ушибленной ручке.

Пару раз сталкиваюсь в зеркале глазами с мужем и, как только это происходит, отворачиваюсь.

Я, конечно, понимаю, что конкретно Миша не виноват и произойти такое могло и при мне. Марк активный, поэтому падает часто. Просто все мои чувства настолько обострены, что мне доставляет какое-то извращенное удовольствие обвинять Князева в том, что сын свалился с лестницы.

Дома укладываю Марка спать, перед этим демонстративно захлопывая дверь в детской прямо перед Мишиным носом. А вот когда спускаюсь на кухню, врезаюсь мужу в грудь. Поднимаю голову и оказываюсь резко прижатой к стене.

Глава 7

– Ты… Что ты себе позволяешь?

Вздрагиваю, когда его ладонь ложится на мою талию. Мягко, без нажима или какого-то агрессивного подтекста. Он мастерски умеет держать себя в руках. Но глаза все равно выдают ту бурю, которая вот-вот на меня обрушится.

– Что ты сделала, Даша? – Князев прищуривается, вглядывается в мое лицо, будто пытается уловить то, что я скрываю.

Или он уже знает? Он знает, что я еду к адвокату? Этого не может быть. Я никому не говорила, ни с кем не обсуждала. Неужели он как-то отслеживает мой телефон?

Колени подгибаются, а тяжелый запах мужского парфюма раздражает слизистую. Не люблю этот аромат, у меня всегда от него болит голова. Он будто бетонной плитой накрывает.

Затылок стягивает пробуждающейся болью, она медленно ползет к вискам.

– Отвечай, – Миша ведет пальцами мне по ребрам и смотрит прямо в глаза.

– О чем ты?

Нет. Он ничего не знает. Иначе бы не спрашивал. Нужно успокоиться.

Он не знает! Блефует просто. Да. Блефует.

Если бы был в курсе, разговаривал бы явно иначе. Он бы паспорт у меня отобрал или, не знаю… В подвале запер?

– Что значит, как я после этого хочу оставить Марка себе? Что ты сделала? Или, – упирается ладонью в стену рядом с моей головой, – что собираешься сделать?

– Ничего я не собираюсь. Просто констатирую факт. Ты с ним не справишься, вот и все, – выпаливаю резковато и вроде даже с претензией, а сама удивляюсь, как еще не начала заикаться от страха.

– Значит… На развод не подаешь? – склоняет голову вбок.

Тут же киваю.

– Нет. Я не допущу, чтобы ты отобрал у меня сына!

– Звучит двусмысленно.

Миша прищуривается, а его пальцы задевают мою грудь. Как только это происходит, оба замираем и, кажется, даже не дышим.

После заминки стряхиваю с себя его руки, а своими машу в воздухе от негодования.

– Боже, хватит искать двойное дно там, где его нет. Я уже четко поняла, что, если я хотя бы подумаю о разводе всерьез, Марка мне не видать.

Перемещаюсь к столешнице и зачем-то начинаю перекладывать тарелки из одной стопки в другую.

Выдаю себя своими же нервами, но успокоиться не получается.

Князев делает шаг. Я слышу, как подошва его ботинок припечатывается к полу, создавая характерный для шагов звук.

Миша останавливается прямо за спиной, а потом упирается ладонью в столешницу, заключая меня в ловушку рук.

Сердце бьется как ненормальное. Мне страшно, а запах его парфюма удушающий какой-то. Как мне пережить эти минуты, пока он рядом?

В голове проносится момент нашего с Князевым знакомства. Он тогда так странно на меня смотрел, с презрением, что ли…

Влад еще сказал, что Мишка просто закрытый. Только вот ночью мне его глаза снились. Холодные. Злые какие-то.

В следующую встречу я старалась вообще на него не смотреть, подсознательно боялась, а когда отец решил отдать меня за него замуж…

Думаю, я в ту самую минуту поставила крест на своей жизни.

Почему именно он?

Чувствую горячее дыхание мужа. Оно опаляет кожу на шее уже наяву. Зажмуриваюсь и впиваюсь ногтями в кухонное полотенце. Плечи на автомате опускаются, я группируюсь, скукоживаюсь вся.

Он никогда и пальцем меня не трогал. Да. Но я подсознательно его боюсь, потому что представляю, на что этот человек способен. Он такой же, как мой отец. Только не скрывает свою сущность. Папа на людях притворяется добряком, а вот Миша даже не пытается нравиться другим…

– Чего ты от меня хочешь? – не узнаю свой голос. Он тихий, но при этом надрывается.

– А что ты можешь мне дать? – слышу смешок в его словах. Дурацкую иронию.

Он и так у меня все забрал, все!

– М? – проводит ладонью по моему бедру.

Жирный, повисший в воздухе намек, приводит в шок. Мелко дрожу.

–Не трогай меня.

–А в прошлый раз тебе понравилось…

Зажмуриваюсь.

Этого не было. Не было. Не хочу это признавать и думать об этом не хочу. Это случайность. Я понятия не имею, как так вышло.

Для меня, у нас была одна единственная близость. Одна. Та от которой меня потом ещё неделю тошнило.

– Будешь снова говорить, что ничего не было? М, Даш?

Тот ужас, который охватывает разум, абсолютно неподвластен контролю. Ненавижу себя за то, что произошло в нашем последнем отпуске. Я не могла, это была не я.

Поворачиваюсь и отвешиваю мужу пощечину.

Князев прикасается к щеке, которая уже покраснела. Трет ее.

– Это было ошибкой…ошибкой.

–Семнадцать ночей подряд, пока не закончился отпуск?

Его взгляд убивает меня в этот момент. Отталкиваю и бегу наверх. Нужно уехать.

Я не могла. Не могу думать про тот чертов отпуск на новогодних каникулах. Это добивает окончательно, я же почти поверила в то, что ничего не было.

Только один раз, плохой, ужасный, после которого я забеременела, он подкреплял мою ненависть. А теперь что?

Мне нельзя вспоминать, нельзя очаровываться. Нельзя признавать, что понравилось. У нас никогда и ничего не выйдет. Никогда.

Заберу Марка и поеду к маме. Скажу, что соскучилась по ней. Поживу пару дней, а потом решу, что делать дальше. Отец все равно сейчас не в городе, вернется только на следующей неделе. Миша вряд ли станет обсуждать с ним наш конфликт, и уж тем более не будет устраиваться скандалов при сыне.

Я ужасная мать, что думаю об этом, но, пока Марк рядом, Князев меня не тронет. И Марка насильно домой не поволочет. А уж я сделаю все для того, чтобы сын хотел подольше задержаться у бабушки. Он ее обожает.

Хватаюсь за голову и чувствую презрение. Сама себя презираю. Я ужасная мать, ужасный человек. Я хочу использовать ребенка в этих разборках…

Дура. Набитая дура.

Плачу, но все равно распахиваю шкаф и с грохотом бросаю на пол чемодан, следом стаскиваю с плечиков платья, смахиваю с полок джинсы и футболки. Собираю все, что необходимо на первое время.

Не без труда достаю с верхней полки еще один чемодан и бегу в комнату Марка, аккуратно, почти бесшумно собираю его вещи, об игрушках, самых любимых, тоже не забываю.

Когда возвращаюсь к себе, застаю Князева стоящим в центре моей гардеробной, и, кажется, сердце в пятки от страха уходит.

– Это что? – Миша переводит взгляд с чемодана на меня.

– Я решила, что поживу у мамы пару дней. С Марком.

– Мой ребенок будет жить со мной под одной крышей.

– Мы едем в гости.

– Твой отец через час пришлет вас обратно.

– Его нет в городе, – бравирую последним аргументом.

– Забыл, – Князев ухмыляется, а потом просто берет и вытряхивает все вещи из моего чемодана на пол.

Задыхаюсь от возмущения.

В ужасе смотрю на происходящее и понимаю, что никогда раньше не устраивала подобного. Никогда за себя не боролась, а Князев никогда не показывал характер. Никогда не творил всего, что делает сейчас.

– Хватит! – ору на него и срываюсь с места. Подлетаю к мужу и тычу пальцем ему в грудь. – Хватит надо мной издеваться. Что я тебе сделала? Что плохого я тебе сделала, Миша? Разве я заслуживаю всего этого? Семь лет. Я семь лет играю роль примерной жены. Прячусь от всех, никогда не ставлю под сомнение твой авторитет. Ни одна моя подруга даже не догадывается, какая у нас на самом деле «счастливая семья». Не знает ни про одну интрижку. Сколько еще мне придется так жить?

Вцепляюсь пальцами в ткань Мишиного свитера и ору. В доме хорошая шумоизоляция, поэтому Марк не услышит. А я устала. Устала молчать. Устала притворяться. Устала так жить!

– Успокойся.

– А я не хочу успокаиваться. Не хочу и не буду. Я семь лет молчу.

– Молчишь? – Миша как-то отчаянно смеется мне в лицо. – Я семь лет слушаю о том, как ты несчастна! – орет на меня в ответ. – Семь долбаных лет живу с призраком твоего утырка.

Чувствую бегущие по щекам слезы. Как он смеет? Как он только смеет опошлять своими словами все, что было мне дорого?

– Не трогай Влада, – луплю Князева по груди, плечам, не разбирая, куда бью. – Он, в отличие от тебя, мужчина.

– Мужчина?

Миша отдирает меня от себя, крепко сжимая запястья. Встряхивает, а потом прижимает к стене. Нависает сверху.

Он взбешен. Настолько, что я понятия не имею, чего от него ждать.

– Он продал тебя за пятьдесят штук. Твоя цена – пятьдесят тонн зелени, – шипит мне в лицо. – Никто его не принуждал и не угрожал. Он сам свалил, прикарманив бабло. Поняла? – опять встряхивает.

В голове звенит. Что он только что сказал? Влад меня продал? Смешно.

Мог бы придумать что-то более правдоподобное. Улыбаюсь и качаю головой, смотря мужу прямо в глаза, потому что это абсурд. Кем нужно быть, чтобы сказать такое?

– Знаешь, почему я на тебе женился?

– Знаю. Потому что это ты хотел денег! Ты, а не Влад. Потому что ты объединил бизнес с моим отцом и…

– Дура!

Миша разжимает пальцы и делает шаг назад.

– Если ты решишь забрать моего ребенка, я тебя из-под земли достану и притащу обратно. Поняла меня?

– Пошел к черту. Пошел вон. Убирайся, убирайся!

– Ты меня услышала? Услышала, я спрашиваю?

– Ненавижу, – хватаю с полки коробку с часами и запускаю ее в Князева. – Убирайся и свои идиотские подарки забирай. Мне ничего от тебя не надо. Ничего. Все забирай, – выдвигаю отсек и смахиваю все украшения, что он мне дарил, на пол.

– Мама? Папа? Вы чего?

Издаю какой-то нечеловеческий звук. То ли всхлипываю, то ли визжу. Рука так и остается висеть в воздухе, а тело простреливает высоковольтным ударом тока.

Поворачиваю голову и смотрю на сына. Он стоит на пороге гардеробной, держит в руках игрушечный вертолет и смотрит на нас огромными растерянными глазами.

– Это потому, что я упал? Я больше так не буду. Правда-правда.

В сердце вонзается игла.

Глава 8

– Марк, – Миша улыбается и подхватывает сына на руки, – нет, конечно, – мягко смеется, гораздо быстрее начиная контролировать ситуацию, в отличие от меня. – У мамы полочки в шкафу сломались. Все упало, видишь, какой бардак?

Марк кивает, рассматривая валяющиеся на полу вещи.

Всхлипываю и отворачиваюсь, зажимая рот ладонью. Быстро-быстро растираю щеки, чтобы стереть слезы и хоть немного прийти в себя. Натянуть улыбку. Кривую, неестественную…

– Мама…

– Что, мой хороший? – поворачиваюсь и подхожу к сыну, который сидит на руках у своего отца.

– Ты плачешь?

– Нет, ты чего? Нет, конечно.

– Мы с папой все починим, да, пап? – смотрит на Мишу, и тот кивает. – Не плачь.

– Не плачу, – сглатываю ком и глажу сына по голове.

Какой же он хороший. Сердце разрывается просто.

Что мы творим? Что я творю?

Нужно было молчать, как и раньше. Просто молчать и не устраивать истерик. Кому лучше от этих скандалов? Только сын страдает.

Мои внутренние противоречия убивают остатки адекватности. Я же себя изнутри жру. Ненавижу себя за то, что, о боже, тело предало.

Отпуск. Океан. Мы втроем. Как семья. Как настоящая семья.

Вторая ночь. Мы уложили Марка спать. Сидели с ним вдвоем, сказки рассказывали, сын таким счастливым был. А потом темный коридор виллы, свет луны из окна, шум воды, и все как во сне. Будто не по-настоящему. Поцелуи, объятия. Эмоции зашкаливали.

Я сама себя не узнавала. Почему отзывалась на ласки, на поцелуи? Почему не противилась?

Мне нравилось. Я с ума сходила, чувствуя над собой Мишино крепкое тело и прохладные простыни под спиной. Он меня любил. Именно любил. Нежно, страстно, без остатка.

Утром мы это не обсуждали. Совсем. Во вторую ночь все повторилось. Буря, коктейль страсти и молчание наутро. Все семнадцать дней мы сходили с ума ночью и делали вид, что ничего не произошло, днем…

Когда вернулись домой, Миша переключился на работу, нет, он пытался поговорить, но я избегала даже мысли о том, что происходило на Мальдивах.

Себя боялась. Это страшно признать. Страшно думать, что семь лет могли быть другими. Больно. Ужасно.

Я не могла. А потом увидела у него в телефоне сообщение от той самой Ирины. Она спрашивала, когда он заедет в гости, к посланию прилагалось фото в сексуальном белье.

Прошло всего три дня после отпуска. Три дня после тех самых ночей!

Я оказалась права. Нет никакого смысла. Нет никакого тепла. Ничего нет. Только ненависть и боль.

– Давай колечки соберем, мам. – Марк начинает болтать ногами, и Миша ставит его на пол. – Давай? – подбирает мой браслет и кладет обратно на выдвинутую полку, привстав на носочки.

– Давай, – тру щеки и присаживаюсь рядом.

Спиной чувствую Мишин взгляд, и единственное, чего хочу, чтобы он ушел. Пусть он уйдет.

– Это в коробочку, да? – сын аккуратно кладет колье, наполовину вывалившееся из коробки, обратно.

– Да. Молодец, – Князев подсаживается рядом.

Отодвигаюсь немного подальше, а Марк в это время крепко обнимает меня за шею.

– Папа, я знаю, что надо, чтобы мама не плакала.

Миша вопросительно приподнимает бровь, а Марк чмокает меня в щеку.

– Поцеловать, – хохочет. – Папа, поцелуй маму, чтобы она не плакала.

– Марк, – крепко прижимаю его к себе, – это кто тебе такое рассказал? – перехожу на шепот, стараясь улыбаться.

– В садике, – отмахивается и, выкрутившись из моих объятий, повисает на Мише. – Папа, целуй. Целуй, – упирается ногами в пол и, обхватив руками Мишину шею, прогибается в спине, запрокидывая голову назад. – Па-па!

Князев начинает его щекотать, отвлекает. Марк визжит, а потом плюхается на попу.

Бросаю взгляд на мужа. Мурашки по телу.

Он меня дурой назвал. Цепляюсь за эти слова, как за спасательный круг.

Сочинил какую-то гадкую историю про Влада. Обвинил меня во всем, что с нами происходит. Будто у меня спрашивали, чего я хочу. Просто поставили перед фактом. Как я должна была к этому относиться? В ноги такому мужу кланяться и дифирамбы петь?

Он все семь лет жил с моей ненавистью и призраком бывшего? А я? Я как жила, он у меня хоть раз спросил?

Качнув головой, отворачиваюсь, а Марк в это время подкрадывается сзади, повисает на мне, смещаясь чуть вбок, и тянет к полу. Мы заваливаемся прямо на Князева.

Чувствую Мишину руку на своем плече, а Марк тут же лезет обниматься к нам обоим, вынуждая нас с мужем сидеть рядом.

Он прекрасно ощущает напряжение, что висит между родителями. Дети все тонко чувствуют. Он слышал наш скандал, и мы оба это понимаем.

Наверное, поэтому я придвигаюсь чуть ближе к мужу и кладу голову ему на плечо, чтобы Марк видел, что все хорошо. Он улыбается, а потом замирает буквально в нескольких сантиметрах от наших лиц.

– Ты больше не будешь прогонять папу? – спрашивает шепотом, тревожно мечась взглядом между мной и своим отцом. – Мам, не будешь?

– Нет, – облизываю сухие губы, – нет, конечно.

– Пап, а ты же не будешь больше ругать маму?

Князев треплет сына по голове и отрицательно мотает головой.

– Нет.

– Я вас люблю.

Марк выпячивает нижнюю губу и так смотрит, что у меня тут же слезы на глаза наворачиваются.

Чувствую, как Мишина ладонь чуть сильнее сжимает мое плечо. Он притягивает меня еще ближе. Я впечатываюсь ему в бок и протягиваю руки к Марку.

– Сыночек, – прижимаю ребенка к себе, – все хорошо. Мы рядом. И мы никогда больше не будем кричать.

Марк упирается лбом мне в грудь, подогнув коленки, и гладит пальчиками по предплечью.

Не хочу, но как-то так случайно бросаю взгляд на лицо мужа. У него глаза стеклянные. Он смотрит в одну точку, а когда замечает мое внимание, просто берет и обнимает нас с сыном. Крепко и… Будто как в ту ночь, с любовью, что ли…

Знаю, что это эмоции. Мы оба на грани. Все это мне, естественно, кажется, я просто хочу воспринимать происходящее как что-то, что действительно похоже на семью, о которой я мечтала. О счастье, которого у меня не было, обычного, женского счастья.

Да, я припоминала Влада, тыкала им Князеву. А как иначе? Я хотела видеть Влада своим мужем, не Мишу. Я мечтала о свадьбе и детях с другим человеком. Я забыть его не могла. Он мне снился. Я так надеялась, что все это ненадолго – наш с Князевым брак. Верила в то, что вот-вот все наладится.

Эта ужасная история закончится, и начнется другая – счастливая. С любимым человеком.

Верила, что стану свободной, но не стала.

Стоит ли об этом жалеть?

Глядя на сына, затрудняюсь ответить, ведь если бы не этот брак, у меня бы не было этого сладкого мальчика. Да, возможно, был бы другой ребенок. Но разве сейчас мне нужен другой?

Страшно представить, что вместо Марка был бы кто-то другой…

– Я сейчас, – Марк снова отбегает чуть в сторону, – не уходит.

Слышу топот детских ножек. Как хлопает дверь в детской.

На эмоциях не сразу соображаю, что до сих пор сижу с Князевым рядом, что его рука все еще на моей талии, а моя голова на его плече. Когда доходит, резко запрокидываю голову.

Сталкиваемся глазами.

Миша вытирает слезу на моей щеке кончиками пальцев, а у меня дыхание перехватывает.

– По-твоему, – произносит совсем тихо, – у нас и правда не было ничего хорошего?

Жму плечами. Что я могу на это ответить?

Нет, конечно, были и хорошие моменты. Они все связаны с сыном, иногда мне казалось, что мы и правда семья. В совместных отпусках, на прогулках, вот на этих вечных завтраках и ужинах…

В том отпуске. Теми ночами…

– Даш…

– Не знаю, – сцепляю пальцы в замок. – Я просто устала тебя ненавидеть. Устала притворяться, что счастлива.

Князев шумно выдыхает. Он так меня и не отпустил. Обнимает.

Чувствую его горячие ладони и мелко дрожу. Что происходит? Почему все это происходит?

– Во-о-от, – Марк бежит обратно с громкими криками с листиком в руке. Там, естественно, нарисованная им наспех картинка.

Я, он и Миша. Все держимся за руки, на небе огромное желтое солнышко.

– Это мы, – довольно вручает рисунок отцу в руки.

– Повешу у себя в кабинете в рамочку.

– Я тогда и маме нарисую, пусть она тоже повесит.

– Конечно, – улыбаюсь, рассматривая картинку.

– Папа, пойдемте на горку.

Марк юлой крутится вокруг нас.

– Ты и так сегодня упал, сынок. Давай завтра.

– Сейчас, мам. Пошли.

Муж первым поднимается на ноги и подхватывает с собой Марка. Мне протягивает руку. Выпрямляюсь, не игнорируя этот жест.

– У меня есть другая идея.

– Какая, пап? Сюрприз?

– Ну, можно и так сказать.

– А какой?

– Узнаешь. Мама, куртку нам возьми, – Миша смотрит на меня.

Я заторможенно киваю и иду в детскую за курткой. Потом соображаю, что, похоже, мы на улицу, и достаю Марку спортивный костюм, кроссовки и шапку. Со всем этим добром спускаюсь в гостиную.

– Давай переоденемся, – бросаю вещи на диван, пока Марк скачет по дивану. Миша в это время складывает что-то из холодильника в пакет.

– Я так, мам.

– Нет. Давай, – киваю на костюм, – переодеваемся.

Сын недовольно морщит нос, но снимает пижамную рубашку.

Помогаю ему одеться, чтобы было быстрее. Липучки на кроссовках он застегивает сам. Змейку на куртке тоже.

– Я готов, пап.

– Отлично. Даш, на твоей машине поедем.

– Ладно.

Лишних вопросов не задаю, потому что чувствую вину перед сыном. Беру ключи, надеваю куртку и ботинки.

Миша вытаскивает из гаража еще один пакет. Только гораздо больше.

Марк пытается заглянуть, что там, но Миша не дает.

– Потом. В машину забирайся, – открывает для сына дверь и берет из моих рук ключи. За руль садится сам.

Мы едем минут двадцать, Марк ерзает в детском кресле в ожидании.

Когда приезжаем в поле, расстраивается. Видимо, ждал чего-то другого.

Но, когда Миша наконец вытаскивает из багажника тот огромный пакет, в котором лежит воздушный змей, сын визжит от восторга.

– Ветра нет, – говорю так, чтобы Марк не услышал.

– Ага, – Миша кивает, а сам помогает Марку держать змея, который летать особо-то и не хочет. – За руль садись обратно.

– Зачем? – туплю, а потом соображаю. – А…

Князев засовывает Марка обратно на заднее сиденье и залезает туда сам.

– Даш, люк открой.

Делаю. Миша высовывается в люк, Марка тащит за собой. Сажает на крышу и держит.

Еду по полю в небольшом ужасе. Марк же не свалится оттуда? Судя по визгам и летящему в воздухе змею, он в восторге. А за безопасность отвечает Миша, не я…

После Князев открывает багажник и усаживает туда Марка. В ход идет все, что он насобирал в холодильнике. Соки, бутерброды и ягоды.

Марк без умолку болтает о том, как ему понравилось запускать змея из машины, и жует бутерброд с колбасой.

Солнце начинает садиться. Поднимается ветер. Ежусь и растираю плечи руками. Накинула ветровку прямо на майку же.

Миша снимает с себя куртку и набрасывает ее на мои плечи. Сам остается в одной футболке.

– Папа, а мы еще так поедем?

– Темно уже. На выходных давай?

– Ага, – Марк пьет сок, а когда снова начинает есть бутерброд, чавкает.

– Марк, некрасиво, – прищуриваюсь, а сама улыбаюсь.

– Я чуть-чуть.

Когда приезжаем домой, Марк бежит в мою спальню и тащит туда Мишу.

– Мама, давай сегодня все вместе спать, папа не будет храпеть.

Храп, естественно, «официальная» версия для сына, почему мы не спим вместе.

Глава 9

Примерно в девять, Марк вырубается у меня на кровати, окруженный игрушками, книжками и родителями. Да, мы с Князевым, все это время лежим рядом с сыном. Искупаем вину за скандал, выходит?

Поправляю одеяло, целую Марка в висок, и поднимаюсь на ноги. Муж встает следом.

Оба молча покидаем спальню и расходимся в разные стороны.

Пока я делаю на кухне для себя чай, слышу, как хлопает входная дверь. Выглядываю в окно и вижу, что Мишина машина покидает территорию дома.

***

– А папа где?

Марк толком не успевает глаза открыть, но уже спрашивает об отце.

– На работу поехал. Там что-то срочное.

– Он не будет с нами завтракать?

– Он был очень расстроен и не хотел пропускать завтрак, но ему было очень нужно поехать на работу, сынок.

Марк кивает, будто и правда понял всю важность отъезда отца и слезает с кровати. Сам идет умываться и чистить зубы. Даже заставлять не приходится. Удивительно. Но что-то мне подсказывает, что ноги растут прямиком из нашего скандала.

Он ведь и правда решил, что мы из-за него ругаемся.

Мой бедный мальчик. Нет, я просто ужасная мать. Ужасная…

Пока готовлю завтрак, включаю телевизор и попадаю на местные новости, по которым показывают Князева. Он расхаживает по территории своего агропромышленного предприятия, и отвечает на вопросы журналиста.

Хочу переключить, но слышу за спиной топот маленьких ножек.

– О, – Марк забирается на стул и с горящими глазами смотрит в экран, – папу показывают. Круто, да?

– Очень, – улыбаюсь и радуюсь, что этот блок не вставили в мою сводку. – Сырники с вареньем или сметаной будешь?

– Сырники? Не каша?

Посмеиваюсь. Завтрак у нас разнообразием не отличается. А сырники на масле я сегодня жарю исключительно из чувства вины.

– Не каша. Могу клубнику потолочь с сахаром, если хочешь.

– Хочу.

Ставлю блюда с сырниками на стол и даю Марку тарелку.

– Спасибо, мам.

– Пожалуйста, – сажусь рядом с сыном, и с улыбкой наблюдаю, как он уплетает завтрак.

Когда во двор въезжает машина отца, которую я вижу в окна, слегка напрягаюсь. Он не должен быть в городе, как минимум до понедельника. Сегодня пятница, и с чего он вернулся раньше, ума не приложу.

Марк тоже замечает машину.

– Деда приехал, – спрыгивает со стула и бежит встречать.

Иду следом, только вот восторга его не разделяю.

– Ничего себе, – слышу папин голос, – да ты подрос. Сколь я тебе не видел? Пять дней? А ты уже выпахал.

Папа сидит перед Марком на корточках, улыбается, заметив меня, кивает.

– Привет, – взмахиваю рукой, а внутри все содрогается.

Зачем он приехал? Он никогда не появляется просто так.

– Мам, смотри, что деда подарил, – сын показывает мне коробку с новым смартфоном.

– Пап, – вздыхаю.

– Не пыхти, – отец морщится, – могу я внука порадовать или нет? Маркуш, беги пока, коробку вскрывай, я сейчас подойду.

– Хорошо.

– Марк, доешь сначала.

Сын кивает и несется обратно в кухню, по пути срывая защитные полоски с телефонной коробки.

– Я хочу с тобой поговорить, – притормаживаю отца на пороге.

– О чем?

– Я хочу развестись.

– Опять старую пластинку зажевало? Чего тебе снова не так?

– Я стала свидетельницей его измены.

Папа смеется.

– Изменил, и что? Ты теперь сына без отца решила оставить? О ребёнке совсем не думаешь? Какой ещё развод?

– Я застала его с другой. А если Марк это увидит?

– Детонька, мало ли где и с кем ты его застала. У вас ребёнок. Ему полная семья нужна

– У него другие женщины есть, я знаю. Много. Он нас всех с грязью мешает. Как ты не понимаешь, папа?

– Перетерпи. Нагуляется и вернётся. Зря я столько сил приложил, чтобы ваша свадьба состоялась?

– Я его ненавижу. Понимаешь? Ненавижу!

– Я поговорю с Мишей, а ты о сыне думай. Домой я тебя обратно не приму. Даже не надейся.

– Я так больше не могу, ты меня слышишь вообще?

– Он тебя бьет? Голос повышает? Может быть, не дает денег или сына лупит? Оскорбляет вас как-то?

– Нет.

– То есть у него есть другие женщины и все? Тебя не устраивает, что он как-то супружеский долг не выполняет или что? Я понять не могу. Ты сама орала, как он тебе противен. Вот он тебя не трогает. Мы это с ним обговаривали, чтоб без твоего согласия и пальцем не трогал. Чего тебе еще надо? Живешь на всем готовом, но при этом постоянно ноешь. Все тебе вечно не так. Зря я тебе не лупил в детстве, мать все твою слушал.

– А Марк? Он вырастет и все узнает. Разве ты не понимаешь? А я? Я всю жизнь должна жить с тем, кого не люблю?

– Так полюби. Создай нормальную семью. За такие вещи женщины в ответе. А если мужик не на тебя, а на других баб смотрит, так сама виновата. Надо как-то поактивней быть, значит. Я не допущу, чтобы мой внук без отца рос. Хоть раз в жизни о ком-то другом, кроме себя любимой подумай! У нас общий бизнес. Ты хотя бы своей пустой головой представляешь масштабы? На что ты так хорошо живешь? На чьи деньги? За счет кого?

Отец недовольно поправляет галстук и проходит в дом.

Закрываю дверь. Выдыхаю.

Бессмысленный разговор со стеной. Он меня никогда не услышит и не поймет.

На что я вообще надеялась?

– Если опять выкинешь какой-нибудь фокус, я тебя собственными руками, – папа понижает голос до шёпота, так чтобы Марк не услышал, но почему-то звук, что слетает с его губ, кажется еще более устрашающим. – Марк, ну что там? Разобрался?

– Конечно.

В одной руке сын держит сырник, а в другой уже распакованный и включенный телефон.

– Не нужно приучать его к гаджетам, – забираю айфон, – сначала едим, потом играем.

– Ну мам!

– Марк, – говорю чуть строже.

– Миша где? – папа осматривается.

– Папу на работу срочно вызвали, – вставляет свои пять копеек Марк. – там что-то срочное.

– Когда? А я почему не знаю?

Прищуриваюсь и смотрю на отца. Давай уже, быстрее соображай, по каким делам и куда мог свалить твой любимый зять.

Поджимаю губы и кошусь на Марка. Отец приподнимает брови.

– Ну точно, – хлопает себя по ноге, – забыл. Склероз у деда. А ты чего не в саду сегодня?

– А у меня выходной, – врет с широченной улыбкой.

– Да? Тогда поехали к нам. Бабушка там по тебе скучает.

– Мам, можно?

– Можно, беги собираться.

Папа смотрит Марку вслед, а когда тот скрывается из вида, переводит взгляд на меня.

– Не смей Дашка, поняла меня. Только попробуй что-нибудь выкинуть. Не время сейчас дочь, годика через два, что хочешь будешь делать. А сейчас нельзя. Кофе мне налей.

– Сам наливай, мне Марка собрать надо, – круто разворачиваюсь на пятках и поднимаюсь в детскую.

***

В субботу, как и планировала, собираюсь в Москву к адвокату под предлогом шопинга. Марк остался у моих родителей на все выходные, что существенно облегчает задачу.

Убираю волосы в высокий хвост, быстро осматриваю себя в зеркало и мажу губы бальзамом.

Из дома выхожу в приподнятом настроении. Миша со вчерашнего дня не появлялся, поэтому, когда его машина перегораживает мне дорогу во дворе, немного напрягаюсь. Сжимаю в кулаке брелок от своего мерса, нервно переступая с ноги на ногу.

Князев хлопает дверью и направляется прямо ко мне. На нем черные брюки и рубашка, рукава которой закатаны до локтя. На галстук нет и намека.

– Ты куда? – интересуется, осматривая меня с ног до головы.

Вероятно, не стоило надевать белый брючный костюм, он прямо-таки кричит о том, какое удовольствие я испытываю, предвкушая эту поездку.

– В Москву. Решила пробежаться по магазинам.

– Минут пятнадцать подожди. Я в душ, и вместе поедем. У меня встреча.

– Вместе?

Точно голосом себя выдаю, потому что Миша приподнимает бровь и смотрит не в глаза, а в душу. В тот ее уголок, где за эти годы успела осесть вся моя ложь.

– Ты против?

– Не хочется тебя напрягать, – пожимаю плечами.

– Ты меня не напрягаешь. Подождешь?

Если я сейчас откажусь, он точно что-то заподозрит. Засовываю свою маленькую сумочку под мышку и киваю.

– Подожду. Но только пятнадцать минут.

Миша едва заметно улыбается и направляется в дом. Выглядит он не очень. Потрепанный какой-то. Может, действительно на работе был? Или все-таки очередная любовница умотала?

Пока в душе на первом этаже шумит вода, решаю сделать себе кофе. Параллельно звоню маме, интересуюсь, как у них дела. Она с радостью делится со мной подробностями того, как сын с дедом нырял в бассейне, а потом играл в догонялки по всему дому.

Улыбаюсь, но всеми фибрами души чувствую чужое присутствие. Поворачиваю голову и сразу же отвожу взгляд. Миша вышел из душа, обмотав бедра полотенцем.

Скребу ногтем по столешнице, полностью теряя нить маминого повествования.

К моменту, когда Князев спускается из своей спальни уже одетый, я разговариваю с Марком. Миша это слышит и ускоряет шаг.

– Я тебя тоже очень люблю, сынок. Да, папа приехал. Конечно. Пока.

Сбрасываю звонок и, повернувшись к мужу лицом, прячу телефон за спину.

– Он у твоих? – Князев берет со стола мою чашку и делает несколько больших глотков кофе.

Смотрю на все это и возмущаюсь без слов. Только взглядом.

– Я не для тебя наливала, – отхожу в сторону и делаю глубокий вдох. – Да, Марк у мамы с папой до вечера воскресенья.

– Как вернемся из Москвы, заберем.

– Ему там хорошо. Нравится.

– Дома, с тобой и со мной, ему нравится больше.

– Правда? Тогда где ты был весь вчерашний день, пока он спрашивал у меня, где папа? М? Мне надоело врать сыну.

– Я работал.

– В горизонтальной плоскости, судя по всему, – не могу сдержаться от усмешки.

– По себе не суди.

Князев припечатывает меня словами и направляется к двери.

Задыхаюсь от поднимающейся внутри волны возмущения и, ускорив шаг, нагоняю Мишу на крыльце.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что работал. Мне сколько раз еще повторить? Чего ты от меня хочешь?

– Развод!

Миша молча обходит меня стороной и садится в машину. Заводит двигатель и ждет. Смотрит только исподлобья.

Сажусь на пассажирское, резко тяну ремень, но он не поддается. Бешусь от этого еще сильнее. Когда наконец пристегиваюсь, бросаю сумку на заднее сиденье и складываю руки на груди.

Первые километров тридцать мы едем молча, под звучащую из динамиков музыку.

Когда по радио включаются новости, Миша делает чуть громче. Внимательно слушает минут пять, а потом меняет волну.

– Почему мы не можем нормально общаться? – устало накрываю лоб ладонью, откидываясь затылком на подголовник.

– Каждый раз, когда я пытаюсь, ты сначала устраиваешь истерику, а потом сбегаешь. В лучшем случае.

– А в худшем?

– А в худшем молчишь и делаешь вид, что меня не существует, – Князев бросает на меня взгляд, но быстро возвращает его к дороге, перестраиваясь на соседнюю полосу.

– Потому что ты меня не слышишь. Ни разу не услышал за семь лет. Ни разу!

– Бардачок открой.

– Зачем?

– Просто, блин, открой бардачок и возьми оттуда папку.

Делаю, как он говорит, вытаскиваю черную папку.

– Что там?

– Посмотри сама.

Быстро листаю страницы, недоверчиво рассматривая фото, и кошусь на Князева.

– Что все это значит? – сглатываю, чувствуя дрожь в пальцах.

Князев делает глубокий вдох, а потом съезжает с дороги в поворот на какую-то деревню или поселок.

Остервенело перелистываю страницы. Снова и снова.

Там счета, переводы. Имена.

Влада, моего отца. Суммы с переводами. Выписки со счетов. Адреса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.